

25. *Чемпалов И. Н.* Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март — июнь 1939)//Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975.
26. Documents on German Foreign Policy. Ser. D.
27. Great Britain and the East. 1939. Mar. 30 P. 354.
28. *Savin T.* Capitalul strain in România. Bucuresti, 1947. P. 146.
29. *Budurowycz B.* Polish-Soviet Relations, 1936—1939. N. Y.; L., 1963. P. 145.
30. *Lukasiewicz J.* Diplomat in Paris, 1936—1939. N. Y.; L., 1970.
31. *MacDonald C.* The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939. L., 1981.
32. *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1963. С. 236.
33. *Pratt L.* East of Malta, West of Suez. Britain's Mediterranean Crisis, 1936—1939. Cambridge, 1975. P. 178.
34. *Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War, 1936—1939. L., 1977. P. 310, 329.
35. *Dilks D.* "The Unnecessary War"? Military Advice and Foreign Policy in Great Britain // General Staffs and Diplomacy before the Second World War. L., 1978. P. 126; *Strang W.* The Moscow Negotiations, 1939 // Retreat from Power: Studies in Britain Foreign Policy of the Twentieth Century. L., 1981. P. 174; etc.
36. The New Statesman and Nation, 1939. Apr. 22 P. 596.

В. Н. ГРАК
Уральский университет

Противоречия между Англией и «Свободной Францией» в странах Леванта (июль — сентябрь 1941)

Летом 1941 г. военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке изменилась в пользу Великобритании. Попытка гитлеровской Германии использовать для проникновения в этот район и нанесения удара по английским позициям освободительное движение в Ираке и сотрудничество с вишистскими властями Сирии и Ливана (страны Леванта) потерпела неудачу. В мае 1941 г. англичане, разгромив патриотическое выступление иракской армии, вторично оккупировали Ирак. В июне — июле этот успех был подкреплён кампанией по овладению французскими подмандатными территориями (операция «Экспортер»), в ходе которой английские войска в сотрудничестве с частями «свободных французов» нанесли поражение вишистам.

Установление контроля над Сирией и Ливаном имело исключительно важное значение для сохранения английских позиций на Арабском Востоке. Прежде всего был укреплен восточный фланг ближневосточного театра военных действий. Англичане, опираясь на побережье стран Леванта, могли более эф-

фективно контролировать район восточного Средиземноморья, в частности, обеспечить защиту Кипра от немецкого нападения. С выходом на турецко-сирийскую границу английское правительство получило прямой контакт с «турецкими друзьями» [1. Vol. 373. Col. 1978; Vol. 374. Col. 75—76]. В Лондоне рассчитывали, что это обстоятельство усилит противодействие Анкары давлению гитлеровцев. Наконец, как докладывал в начале июля военному кабинету главнокомандующий английской ближневосточной армией генерал К. Окинлек, овладение Сирией при условии доставки подкреплений позволит развернуть наступление на западном фланге ближневосточного фронта против итало-немецких сил в Западной пустыне [2. № 310. P. 112—133].

Но главным фактором, определившим улучшение военной ситуации для Англии, явилось нападение Германии на СССР. С 22 июня 1941 г. военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке развивалась под воздействием событий на советско-германском фронте. После гитлеровского нападения на Советский Союз лишь временно была отведена угроза английским позициям в этом районе. Подтверждение тому — директива ОКВ № 32 от 11 июня 1941 г., определявшая стратегические цели вермахта на осень 1941 — зиму 1942 г. К этому времени предполагалось сломить сопротивление советских войск и приступить к вооруженному вытеснению Англии с Ближнего и Среднего Востока [3. № 617. P. 1012—1014].

Политика империалистических держав на Ближнем Востоке в годы второй мировой войны вызывает неизменный интерес советских историков. Наиболее полно ими исследованы вопросы, связанные с экспансией фашистской Германии в арабские страны, Турцию и Иран [4]. Значительным вкладом в изучение целей политики империалистов и методов ее осуществления на Арабском Востоке в годы войны является монография Н. О. Оганесяна [5]. Вместе с тем в советской историографии недостаточно полно освещены противоречия из-за арабских стран внутри империалистических группировок. В частности, практически не рассматривалась борьба Англии и ее союзника, движения «Свободная Франция», за военно-политическое преобладание в Сирии и Ливане со времени завершения операции «Экспортер» до провозглашения голлистами независимости Сирии (июль — сентябрь 1941). В настоящей статье автор предпринимает попытку восполнить этот пробел. Безусловно, англо-голлистские противоречия имели подчиненный характер, но их изучение позволяет, во-первых, более полно проследить за развитием международных отношений на Арабском Востоке в годы второй мировой войны; во-вторых, выявить факторы, ограничивавшие эффективность борьбы Англии, организации «Свободная Франция» и арабских народов с фашистской агрессией.

Приступая 8 июня 1941 г., к кампании по овладению Левантом, организация «Свободная Франция» в лице своего представителя на Ближнем Востоке генерала Ж. Катру обещала независимость арабам этих стран. Несмотря на решительное противодействие лидера «свободных французов» Ш. де Голля, английский посол в Египте М. Лэмпсон от имени своего правительства выступил с декларацией о том, что Великобритания «поддерживает и связывает себя с заверениями независимости Сирии и Ливана», сделанными Катру. Тем самым, «Англия в одностороннем порядке присвоила себе право гаранта независимости Сирии и Ливана и получила лазейку прямо вмешиваться в дела этих стран и их отношения со «Свободной Францией» [5. С. 219].

Обещания союзников были вызваны необходимостью заручиться поддержкой арабов Леванта во время вооруженного конфликта с вишистскими коллаборационистами, а также стремлением нейтрализовать влияние пропаганды держав оси. Англичане и голлисты изображали себя освободителями арабов. Подобный мотив доминировал в английской прессе. Обозреватель журнала «Великобритания и Восток» К. Уильямс в статье «Закат вишистской звезды в Сирии» писал: «Сейчас арабские страны могут снова вздохнуть свободно» [6. № 1573. Р. 36]. Иерусалимский корреспондент этого же журнала утверждал, что в «течение нескольких месяцев мусульманское и христианское население Сирии и Ливана терпеливо ждало прихода союзников» [6. № 1584. Р. 219]. Действительно, политика правительства Виши в ближневосточных владениях Франции, характеризовавшаяся широким наступлением на права арабов и военно-политическим сотрудничеством с фашистскими державами, вела к росту недовольства населения Сирии и Ливана. Но не преувеличивала ли английская пропаганда масштабы симпатий сирийцев и ливанцев в адрес союзников? Известно, что в период вооруженного конфликта в Леванте арабы в основном сохраняли нейтралитет. Администрацию верховного комиссара А. Денца они отождествляли с французским колониальным режимом. В отношении англичан и голлистов, выступивших с обещанием независимости, позиция была выжидательной — слишком много обещаний давалось арабам в предшествующие годы.

Установление контроля Англии и «Свободной Франции» над Сирией и Ливаном проходило в обстановке серьезных противоречий между союзниками. Основным пунктом разногласий была судьба французской ближневосточной армии («армия Леванта»), которая сохраняла верность правительству Виши [См.: 7. С. 104—122], не менее важным для де Голля представлялось решение политических проблем: гарантия прав и интересов Франции в Леванте и передача всей полноты власти на подмандатных территориях в руки «свободных французов».

Признания приоритета Франции в Сирии и Ливане де Голль и его представители на Ближнем Востоке намерены были добиваться как от арабов, так и от Англии. Декрет де Голля от 24 июня 1941 г., назначавший генеральным делегатом «Свободной Франции» в ближневосточные подмандатные государства Катру, наделял последнего всей полнотой власти верховного комиссара. Декрет гласил: «невзирая на все трудности и раздоры... мандат на Левант должен осуществляться, как того требуют его условия, и миссия Франции должна продолжаться»: Перед Катру ставилась задача начать переговоры о независимости с представителями арабского населения. При этом де Голль настаивал на заключении с ними союзного договора, который бы обеспечивал сохранение прав и интересов Франции в Сирии и Ливане [8. С. 520—521].

Если с арабами еще предстояли переговоры, то от своего партнера де Голль ждал немедленного заверения в сохранении приоритета Франции в странах Леванта. Однако конвенция о перемирии, подписанная с вишистами в Сен-Жан-д'Акре английским командующим генералом М. Уилсоном 14 июля 1941 г.; «не содержала ни слова о правах Франции ни в настоящем, ни в будущем». Руководство «свободных французов» опасалось, что в условиях ослабления Франции англичане могут предпринять попытку занять ее место в Дамаске и Бейруте [8. С. 211].

Подобные опасения имели под собой серьезные основания: от подписания перемирия был отстранен представитель де Голля генерал Катру, сами условия перемирия на территории оккупированных Сирии и Ливана давали преимущества англичанам, а в отношении «армии Леванта» — вишистам [См.: 7. С. 105—108]. Не ускользнуло от внимания руководства «Свободной Франции» и выступление У. Черчилля в палате общин 15 июля, т. е. на следующий день после соглашения в Сен-Жан-д'Акре: Премьер-министр заявил, что Великобритания не ищет выгод в Сирии, первенство исторических интересов Франции над интересами других европейских держав должно сохраняться. При этом он сделал существенное добавление: «...без ущерба для прав и суверенитета сирийского народа» [1. Vol. 373. Col. 464—465]. Постоянные претензии Англии на роль арбитра между арабами Леванта и голлистами, а еще в большей степени конкретные действия английского командования во французских ближневосточных владениях порождали сильнейшее недоверие «свободных французов».

Курс Лондона на подрыв позиций Франции на Арабском Востоке сочетался с непоследовательной линией в отношении де Голля как главы «Свободной Франции» и колебаниями в отношении правительства Виши. Англичане, хоть и не прямо, но продолжали осуществлять косвенные контакты с Виши, надеясь, как это делали США, оторвать вишистов от Германии [9. С. 47].

Условия перемирия в Леванте подтверждали, что английское командование во главе с Уилсоном занимало скорее провишистскую, чем проголлистскую позицию.

Попытка англичан ущемить суверенитет Франции над ее колониальными владениями на Ближнем Востоке, впрочем, как и в любом другом месте, натолкнулась на противодействие руководителя «свободных французов». «В этом вопросе де Голль не допускал никаких уступок явным или тайным поползновениям союзников» [10. С. 18]. При поддержке делегации «Свободной Франции» в Лондоне де Голль заявил англичанам энергичный протест, предупредив, что не признает подписанную конвенцию, поскольку она противоречит военным и политическим целям возглавляемого им движения. Создается впечатление, что глава «Свободной Франции» серьезно опасался упустить из своих рук инициативу переговоров с арабами. Не случайно по прибытии в Каир для встречи с английским министром-резидентом на Ближнем Востоке О. Литтлтоном де Голль решительно определил свою позицию: он и только он может иметь какие-либо отношения с арабами Леванта и их политическими лидерами [11. Р. 132].

Напряженность в отношениях между союзниками сохранялась вплоть до подписания Литтлтоном и де Голлем 24 июля в Каире «Пояснительного соглашения», интерпретировавшего конвенцию о перемирии в духе более благоприятном для «свободных французов». В частности, признавались их преимущественные интересы в вопросах, касающихся «армии Леванта». На следующий день, 25 июля, было подписано соглашение о военно-политическом сотрудничестве Англии и «Свободной Франции» на Среднем Востоке. Английское командование получало приоритет в осуществлении стратегического руководства в этом районе, тогда как за голлистами признавалось право на осуществление территориальной администрации в Сирии и Ливане [8. С. 552—555].

Однако реализация этих соглашений, как и оформление военно-политического контроля организации де Голля над странами Леванта, происходили в обстановке острых противоречий между союзниками. Практический курс англичан подтверждал самые худшие опасения руководства «Свободной Франции».

Прежде всего правительство Черчилля развернуло подготовку к включению французских подмандатных территорий в сферу британской экономической активности. С Сирии и Ливана была снята экономическая блокада, введенная Англией в конце 1940 г., предприняты некоторые меры для восстановления их традиционной внешней торговли. Обсуждался вопрос о создании союзниками специального комитета, который бы контролировал экспортно-импортные операции стран Леванта и в первую очередь торговлю со странами, входящими в стерлинговый блок. Комитет должен был действовать в тесном контакте

со Средневосточным центром снабжения, находящимся в Каире [6. № 1575. Р. 109]. Шла активная подготовка к включению французских подмандатных территорий в зону английского фунта стерлингов. Все эти меры, хотя и имели весьма ограниченный характер, несколько облегчили экономическое положение Сирии и Ливана, в то же время объективно они способствовали усилению английского влияния в этих странах.

Другой сферой активной деятельности англичан была военнополитическая. После завершения операции «Экспортер» английское командование установило контроль над всей территорией Леванта, мало считаясь с правами и привилегиями своего партнера. По прибытии в Бейрут 27 июля де Голль убедился, насколько мало считаются генерал Уилсон и его политические сотрудники в военной форме с соглашением, заключенным между ним и Литтлтоном [8. С. 225]. Обращает на себя внимание тот факт, что англичане пытались скрыть от мирового общественного мнения, прежде всего от народов Арабского Востока, реальное положение дел в Леванте. Журнал «Великобритания и Восток» сообщал, что «передача власти от одной администрации к другой (от вишистов к союзникам.— В. Г.) осуществляется ровно, безболезненно и без всяких инцидентов» [6. № 1584. Р. 219]. Подобная интерпретация событий была явной идеализацией.

Вслед за подписанием перемирия начался отвод вишистских частей с линии фронта для концентрации в специальных лагерях. Их место занимали войска союзников, по преимуществу английские, тогда как формирования голлистов располагались в районе Дамаска. Одновременно происходила «смена караула» в высшем эшелоне мандатного управления странами Леванта. 16 июля в Бейруте по поручению Денца адмирал Гуттон передал полномочия верховного комиссара генеральной делегату «Свободной Франции». Катру приступил к выполнению своих функций в чрезвычайно сложной обстановке.

Во-первых, крайне враждебно складывались отношения между «свободными французами» и вишистами, вплоть до эвакуации последних в конце сентября 1941 г. Голлистам, не имевшим ни опыта управления подмандатными территориями, ни специалистов по арабским делам, необходимо было обеспечить преемственность власти в Леванте. Поэтому наряду с борьбой за офицеров и солдат французской армии голлисты стремились перетянуть на свою сторону высших функционеров, отвечавших за аппарат мандатного управления и службу безопасности. В частности, де Голль лично обращался к Конти, директору политического департамента верховного комиссариата [12. Р. 203]. Со своей стороны Катру приглашал к сотрудничеству в аппарате управления Левантом персонал французского посольства в Анкаре [11. Р. 159].

Эти усилия руководителей «Свободной Франции» натолкну-

лись на противодействие правительства Виши и его представителей в Бейруте. Вопреки условиям конвенции, предусматривавшей репатриацию вишистских функционеров после того, как будет обеспечена их замена сторонниками де Голля, кабинет маршала Петэна направил заместителю Денца генералу Вердиллаку секретное предписание о том, чтобы все вишистские чиновники, роль которых особенно важна для осуществления мандата, покинули занимаемые посты и отправились в метрополию, даже если им не будет замены [12. Р. 202]. В результате большинство чиновников предпочло покинуть Левант. Но и оставшиеся — в основном технический персонал и офицеры службы безопасности — являлись своеобразной «пятой колонной», поскольку вишисты принуждали их подписать декларацию о верности маршалу Петэну. Следовательно, «они должны были служить «Свободной Франции», будучи по духу не с ней» [13. Р. 200].

Во-вторых, откровенное сопротивление установлению контроля «свободных французов» над Сирией и Ливаном оказывали английские военные власти в лице генерала Уилсона. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в окраинных областях Джезире и Джебель-Друзе. В ходе вооруженного конфликта с вишистами английские войска овладели большей частью Сирии, в том числе Джезире. Эта область славилась обильными пастбищами и традиционно являлась зерновой житницей страны. Она располагала богатыми гидроресурсами и, как считалось, нефтью. В годы войны Джезире приобрела особое значение, поскольку здесь проходила часть Багдадской железной дороги, являвшаяся важным звеном англо-турецких коммуникаций. Голлисты подозревали Англию в стремлении поставить эту область под контроль Ирака, а по существу под свой собственный. «Устроившись здесь по праву победителей, англичане могли надеяться реализовать свои давние замыслы», — пишет Катру [13. Р. 146].

Генерал Уилсон решительно не желал отводить отсюда английские войска, ссылаясь на то, что вся Сирия входит в зону стратегического руководства английского командования. Одновременно английские военные препятствовали контактам назначенных Катру делегатов с местным населением и поощряли антифранцузские инциденты среди арабов. Оправдывая свои действия общей военной обстановкой, а также беспокойством племен, Уилсон собирался ввести в Джезире чрезвычайное положение, в этом случае утратила бы основу французская территориальная администрация [14. Р. 125]. Это намерение английского командующего буквально в штыки воспринял де Голль, заявив Уилсону, что введение чрезвычайного положения по английским законам будет рассматриваться как «узурпация прав Франции» и приведет к разрыву между союзниками [10. С. 565].

Еще более драматическая ситуация сложилась в пограничном с Палестиной и Трансиорданием районе Джебель-Друз, являвшемся очагом серьезной оппозиции Франции. Друзы вели последовательную борьбу с мандатным режимом. Ненавидя непосредственных угнетателей — французов, они своим давним покровителем считали Великобританию. В 1939 г. один из представителей ведущего друзского рода Атрашей, встретившись с английским генеральным консулом в Дамаске, предложил, чтобы Джебель-Друз был объявлен независимым от Сирии и присоединен к Трансиордании. В связи с этим фактом английский исследователь Моклер отмечает: «Друзы хотели если не независимости, то по крайней мере автономии. Они верили, что могут легче получить ее, если свяжут себя с маленькой Трансиорданием, чем останутся в большой Сирии. Кто был в силах изменить границы? Они верили — Англия» [15. Р. 201]. Падением авторитета Франции в связи с ее поражением немедленно воспользовались друзские вожди. Это особенно ярко проявилось, когда части «свободных французов» овладели Дамаском (еще до окончательного завершения операции «Экспортер») и 6 июля 1941 г. генерал Катру пригласил к себе предводителей друзов. Прибыв в резиденцию Катру, друзские вожди решительно заявили, что «время Франции прошло» и потребовали присоединения Джебель-Друза к Трансиордании. Глава английской миссии связи со «свободными французами» Э. Спирс считал приглашение друзов «страшным промахом» голлистов. «Попытки Катру важничать перед друзами привели его к личному унижению», — не без удовлетворения констатировал он [11. Р. 140].

Руководители «Свободной Франции» с большим беспокойством воспринимали активизацию деятельности во всей Сирии, особенно в районе Джебель-Друз, хашимитских правителей соседней Трансиордании. Эмир Трансиордании Абдаллах, являвшийся «верным другом и стойким союзником Англии среди всех капризов судьбы», последовательно выступал с идеей объединения Сирии и Ливана, а также Палестины и Трансиордании под своей эгидой * [16. Р. 255]. План хашимитов преследовал цель ликвидировать французское господство в странах Леванта, распространить в них английское влияние. С началом войны Абдаллах увидел благоприятную возможность для реализации своих честолюбивых замыслов. Через свою агентуру он начал антифранцузскую пропаганду в Сирии, установил связи с местными нотаблями в Хаурани и Джебель-Друзе. Абдаллаху, отмечает арабский исследователь А. Гомаа, не терпелось играть такую же роль на Арабском Востоке, какую в годы первой мировой войны играл его отец [18. Р. 80]. Надо полагать, что в

* В. Б. Луцкий, ссылаясь на доклад Дж. Филби, приводит данные о том, что английская разведка еще в 20-е годы разработала план «Великой Сирии» с одним из хашимитов на троне [17. С. 189].

интересах хашимитов действовал командующий Арабским легионом английский генерал Дж. Глабб, посетивший Пальмиру и Сирийскую пустыню в середине июля. Во всяком случае, этот визит дал повод для манифестаций кочевых племен Сирии в пользу трансйорданского эмира [12. Р. 183]. Все это свидетельствовало о попытках англичан гальванизировать, если не полностью, то хотя бы в усеченном варианте, проект создания «Великой Сирии» под руководством хашимитов.

Местные английские власти также стремились использовать ситуацию в свою пользу. В Джебель-Друзе, еще находившемся под контролем вишистов, активную деятельность развернула британская разведка. Не случайно приглашенные Катру друзские вожди появились в Дамаске в сопровождении офицера Интеллидженс сервис commodora Басса. Друзы воздерживались от любых сношений с направляемыми в Сувейду (столица Джебель-Друза) представителями Катру, предпочитая иметь дело с английской агентурой. Подобные настроения друзов ободрили английского командующего Уилсона. Вопреки договоренности с Катру о том, что «союзные войска могут войти в эту область только тогда, когда по этому вопросу будет принято общее решение», он дал приказ английской бригаде овладеть Джебель-Друзом [8. С. 226; 13. Р. 174].

Следует иметь в виду, что в обострение англо-голлистских противоречий из-за Джебель-Друза свою лепту внесли вишисты. Пальма первенства при этом безусловно принадлежала генералу Вердиллаку, который умело использовал вишистского резидента в Сувейде полковника Бувье, не сдавшегося союзникам после Сен-Жан-д'Акра. Бувье почти на протяжении 10 дней оставался полновластным хозяином в Сувейде. Действуя, по всей вероятности, в соответствии с инструкцией Вердиллака, он вел сложную игру, провоцируя и англичан и «свободных французов» на активные действия в Джебель-Друзе. Эмиссары Бувье, встретившись с Катру, заверили его, что друзские эскадроны готовы присоединиться к голлистам. В то же время Бувье дал знать англичанам, что друзские эскадроны могут служить в создаваемом британскими офицерами Друзском легионе [15. Р. 204—205]. Вердиллак через своего резидента подстегивал и голлистов и англичан к активным действиям в стране друзов, чтобы столкнуть их лбами. С интригами вишистов было покончено, когда 24 июля англичане овладели Сувейдой, а через два дня принудили Бувье капитулировать в ее окрестностях. Тем самым Уилсон установил полный контроль над Джебель-Друзом. Делегат «Свободной Франции» был изгнан, французский флаг заменен на Юнион Джек. Все протесты Катру оставались без ответа. Английский командующий игнорировал подписанное как раз в эти дни «Пояснительное соглашение», 8-я статья которого предусматривала согласование действий союзников для поддержания порядка в Дже-

бель-Друзе [8. С. 548]. Интересно, что в разгар ссоры англичан и голлистов американский консул в Бейруте Энгерт в донесении государственному секретарю Хэллу выразил уверенность в сохранении британского контроля над страной друзов [19. Р. 778].

Курс, проводимый Уилсоном, натолкнулся на решительное противодействие прибывшего в Бейрут де Голля. С его санкции 29 июля в Джебель-Друз была направлена колонна во главе с полковником Монклером. Приказ гласил: овладеть «французским домом» в Сувейде, взять под контроль друзские формирования. В Джебель-Друзе английские войска и части «свободных французов» оказались лицом к лицу. Назревала реальная угроза вооруженного конфликта между ними. Только под давлением министра-резидента Литтлтона 31 июля генерал Уилсон приказал отвести английские войска из Джебель-Друза. Их место заняли «свободные французы». События, разыгравшиеся в Джезире и стране друзов, свидетельствовали о том, что «Пояснительное соглашение» оставалось, по выражению де Голля, «мертвой буквой». «Если в Дамаске и Бейруте посягательства англичан носили скрытый характер, то, напротив, в областях, где интересы сталкивались особенно остро и на которые давно метила Англия или ее хуссейновские друзья, эти посягательства проявлялись совершенно открыто» [8. С. 226].

Де Голль, как уже бывало в отношениях между союзниками, яростно бросился на защиту колониальных интересов Франции. Во время встречи 5 августа с американским консулом Энгертом он характеризовал отношения с Англией как «достигшие критической точки» [19. Р. 781]. В тот же день последовало указание де Голля Катру не входить ни в какие обсуждения с Уилсоном, а потребовать от него выполнения подписанных в Каире соглашений. «Мы должны создать впечатление, и это соответствует действительности, что мы есть и останемся непреклонными в защите прав Франции и достоинства ее армии» [13. Р. 176]. Одновременно де Голль обращается с протестами к Литтлтону и буквально бомбардирует телеграммами делегацию «Свободной Франции» в Лондоне. Он характеризует состояние отношений с Англией в самых мрачных тонах: «мы находимся в разгаре серьезного кризиса», называет образ действий местных британских властей «невыносимым», обвиняет союзника в склонности договориться с Виши через голову своей организации и допускает возможность разрыва с ним [8. С. 561—563, 565—566]. Спирс, сторонник жесткого курса Англии в отношении «свободных французов», касаясь протестов де Голля и Катру, пишет: «Наводящие ужас стенания, исходившие с Ближнего Востока, подняли и закружили водоворот вокруг Уайтхолла, принося утешение и удовлетворение проголлистам и голлистским офицерам и политикам, для которых каждый камень, брошенный в сторону тех, кто отвечал за ведение

войны, был небесной манной» [11. Р. 141]. Спирс осуждает руководителей «Свободной Франции», в то же время он намекает на отсутствие единства в британском правительстве относительно этого движения и его лидера.

За разногласиями англичан и голлистов с удовлетворением наблюдали как бывший верховный комиссар Денц и его офицеры, так и арабские националисты. «Первые усмотрели в этом шанс к реваншу над «Свободной Францией», вторые — надежду на освобождение благодаря ссоре союзников» [13. Р. 175].

Для знакомства с обстановкой на месте и претворения в жизнь подписанных 24—25 июля соглашений в Бейрут 6 августа прибыл министр-резидент Литтлтон. Де Голль в своих мемуарах отмечает: «...Лондон ссоры не желал» [8. С. 228]. Действительно, правительство Черчилля стремилось избежать открытого конфликта со своим союзником. В Лондоне понимали, что разрыв грозил самыми негативными политическими последствиями: мог дать дополнительный импульс германской и вишистской пропаганде, активизировать освободительное движение арабов. Но главное, сохранения союзных отношений требовала военная ситуация: в связи с быстрым продвижением германских войск на Восточном фронте сохранялась опасность для англо-французских позиций на Ближнем Востоке.

Необходимо отметить, что голлисты в еще большей степени нуждались в союзе с Англией. В ответе де Голлю из Лондона делегация «Свободной Франции» заявила, что движение не может существовать без финансовой и военной поддержки Великобритании, поэтому неуместно говорить о разрыве с ней. Вместе с тем члены делегации осудили излишнюю горячность своего шефа: «угрозы, которые не выполняются, могут только дискредитировать нас» [8. С. 565].

7 августа состоялась встреча де Голля с Литтлтоном, в ходе которой министр-резидент поддержал позицию «свободных французов» по вопросу незамедлительной реализации условий «Пояснительного соглашения». В тот же день от имени своего правительства Литтлтон письменно подтвердил признание доминирующих прав Франции в Сирии и Ливане* [8. С. 563].

Только после этого Катру взял всю административную власть в Леванте в свои руки, «свободные французы» получили доступ в лагеря, где содержались вишистские войска, и, наконец, с санкции Литтлтона были приняты строгие меры в от-

* Мы не согласны с Н. О. Оганесяном, который рассматривает последующий вслед за встречей 7 августа обмен письмами между английским министром-резидентом на Ближнем Востоке и лидером «Свободной Франции» как соглашение Литтлтона — де Голля [5. С. 220—221; 20. 43—44]. 7 августа Литтлтон лишь подтвердил заверения, которые он дал де Голлю в письме от 25 июля. Соглашениями Литтлтон — де Голль следует считать «Пояснительное соглашение» и соглашение о военно-политическом сотрудничестве, подписанные 24—25 июля в Каире [См.: 8. С. 669].

ношении Денца и его высших офицеров. Возвращаясь из Бейрута в Каир, Литтлтон специально остановился в Аммане, где имел встречи с Абдаллахом и генералом Глаббом. Как пишет сам министр-резидент, он просил эмира не проявлять активность в Сирии, а Глабба — отложить визиты в эту страну [16. Р. 255—257]. «Благодаря твердости генерала де Голля и в определенном смысле «игре по правилам», которую вел Литтлтон, Франция была теоретически и в определенной степени практически восстановлена в своих правах», — делает вывод генерал Катру [13. Р. 184]. Скорее именно теоретически, на словах, а на деле англичане не оставили попыток получить максимум выгод за счет Франции. Этот курс британского правительства особенно последовательно проявился в вопросе независимости стран Леванта.

Как справедливо отмечает английский историк С. Лонгригг, французский мандат на Сирию и Ливан исчезал с «непривлекательным нежеланием» [21. Р. 317]. Обещание независимости арабам было дано, но с его выполнением руководители «Свободной Франции» не спешили. На деле они шли на обман сирийцев и ливанцев, выдвигая такую формулу независимости, которая позволила бы французской империалистической буржуазии сохранить в Леванте основы колониального господства. Однако арабы не хотели ждать, настаивая на немедленном предоставлении независимости, преданность Франции демонстрировали лишь марониты. Более того, не получив конкретных обещаний и поддержки своих чаяний от Германии, многие националисты Сирии и Ливана «повернулись к своей первой любви — Англии». Но позиция Англии была двусмысленной.

Следует учитывать, что английская политика в Леванте, как и во всем арабском мире, отличалась от французской. И дело здесь не в «большей объективности» или «большей прогрессивности» политики Великобритании, в чем стремятся убедить неискушенного читателя английские буржуазные авторы [21. Р. 321], а в методах проведения колониального курса. Империалистическая буржуазия Великобритании, в отличие от Франции, предпочитала тактику лавирования и уступок колониальным народам.

На арабскую политику Англии существенно влияла обстановка на фронтах войны, прежде всего на советско-германском фронте. Правительство Черчилля и его высшие представители в арабских странах опасались, что в случае быстрого успеха в России германские войска смогут начать прорыв на Ближний Восток через Кавказ. Существовали также серьезные сомнения в позиции турок, смогут ли они противодействовать нажиму с целью пропуска дивизий рейха в арабские страны, «особенно если события на Восточном фронте будут развиваться неблагоприятно» [1. Vol. 374. Col. 106; См.: 22. С. 123—138]. В любом случае под угрозой оказывались позиции Великобритании на

Ближнем и Среднем Востоке. В этой обстановке для правительства Черчилля важно было обеспечить сотрудничество арабов или хотя бы их благожелательный нейтралитет.

Эту же цель преследовала политика поощрения панарабских тенденций, проводимая Форин Оффисом во главе с Иденом. Дело в том, что Англия именно летом 1941 г., наряду с поддержкой юнионистских проектов хашимитов, не находивших отклика в большинстве стран Арабского Востока, стала все больше ориентироваться на сторонников создания федерации арабских стран. В пропаганду тезиса об англо-арабской дружбе и стремлении Великобритании «цементировать внутреннее единство арабских стран» активно включилась английская пресса [6. № 1575. Р. 69]. Тем самым английское правительство начало захватывать инициативу по осуществлению идеи арабского единства в свои руки. «Английский империализм,— отмечает Э. Тума,— стремился не только обуздать национально-освободительную борьбу арабов за единство, но и использовать ее для оказания сопротивления своим союзникам, в частности, ослабленной Франции» [23. С. 265].

Как уже отмечалось, правительство Черчилля взяло на себя функции гаранта независимости Сирии и Ливана. Английский министр-резидент на Ближнем Востоке Литтлтон в письмах де Голлю от 24 июля и 7 августа не забывал напомнить о данных арабам обещаниях [8. С. 551—552, 563—564]. Давление на «свободных французов» оказывалось и на самом высоком уровне. 6 августа 1941 г., выступая в палате общин, министр иностранных дел Иден выразил уверенность своего правительства в том, что «власти «Свободной Франции» полностью сознают неудовлетворительные условия, преобладавшие в Сирии при прежнем режиме» и пойдут навстречу законным устремлениям местного населения [1. Vol. 373. Col. 1968].

Наряду с подталкиванием голлистов к уступкам арабам, англичане предприняли попытку непосредственно влиять на ход переговоров между ними. 30 июля 1941 г. в разгар противоречий из-за Джебел-Друза Литтлтон в письме Катру «весьма настоятельно» просил предоставить Спирсу возможность присутствовать на предстоящих переговорах с арабами. Этот факт в своих мемуарах приводят де Голль и Катру, о нем умалчивает сам Литтлтон и полностью отрицает Спирс [8. С. 560—561; 13. Р. 176—177; 11. Р. 139]. Подобная линия англичан противоречила всем заявлениям о незаинтересованности в странах Леванта. Де Голль расценил ее как вмешательство во внутренние дела своей организации. 13 августа в телеграмме делегации «Свободной Франции» в Лондоне он высказался категорически против участия Спирса в переговорах, заявив: «Что касается данной Великобританией гарантии независимости Сирии и Ливана, то я ее никогда не признавал» [8. С. 567].

Несмотря на протесты «свободных французов», английское

правительство продолжало свой курс на вмешательство в их отношения со странами Леванта. Ярким проявлением этого была речь Черчилля 9 сентября 1941 г. в палате общин. Допуская, что «Франция может иметь привилегированные позиции в Леванте среди прочих европейских наций», он добавил: «Не может быть речи о сохранении Францией тех же самых позиций, которые она имела в Сирии перед войной... Не может быть речи даже в военное время о простой замене интересов Виши интересами Свободной Франции...» [1. Vol. 374. Col. 76]. Это заявление английского премьер-министра крайне встревожило де Голля. 11 сентября в телеграмме Катру из Лондона он подчеркнул, что речь Черчилля дает основание поторопиться с ведением переговоров с сирийцами. «Это произвело бы как здесь, так и повсюду большое впечатление и мы обеспечили бы себе господствующее положение в Сирии» [8. С. 666]. Следовательно, давление английского союзника, а еще в большей степени требования арабов, заставили руководство «Свободной Франции» начать переговоры с сирийскими политическими деятелями. Переговоры, которые в течение сентября вел с арабами Катру, были чрезвычайно сложными, что определялось стремлением голлистов, во-первых, навязать Сирии выгодное для себя соглашение; во-вторых, привести к власти в этой стране сговорчивых политиков.

Тем временем 12 сентября состоялась встреча де Голля с Черчиллем, на которой последний заверил своего партнера, что Англия при осуществлении своей политики в Сирии будет руководствоваться соглашениями, подписанными Литтлтоном и де Голлем в Каире. Подводя итог этой встречи, глава «свободных французов» резюмировал: «...наши отношения на пути к нормализации и, по-видимому, вновь примут дружественный характер» [8. С. 669]. Со своей стороны Черчилль также надеялся на улучшение отношений со «свободными французами» [24. Р. 291]. Так завершилась фаза острейшего кризиса в отношениях между англо-голлистскими союзниками, вызванная борьбой за страны Леванта.

27 сентября 1941 г., в день, когда из бейрутской гавани отошел последний конвой с вишистскими войсками и чиновниками, Катру выступил с декларацией, провозглашавшей Сирию независимой республикой. Декларация предусматривала серьезные ограничения независимости Сирии и ее суверенитета, объявляя это «военной необходимостью», и предупреждала, что только заключение договора о дружбе со «Свободной Францией» придаст независимости Сирии окончательный характер [См.: 20. С. 46—50]. 26 ноября аналогичный шаг был принят в отношении Ливана.

Анализ источников и литературы свидетельствует о том, что отношения Англии с движением «Свободная Франция» в странах Леванта в период с июля по сентябрь 1941 г. осложнились

серьезными противоречиями, являвшимися следствием империалистической, колониальной сущности политики английской и французской буржуазии. Англия, используя ослабление Франции, зависимость от правительства Черчилля организации «Свободная Франция» и опираясь на превосходство своих вооруженных сил в районе Арабского Востока, пыталась полностью вытеснить Францию из этого района, стать здесь полновластным хозяином. Политика правительства Черчилля сталкивалась с энергичным противодействием «свободных французов», рассматривавших страну Леванта как базу для усиления своего движения. Отстаивая интересы французской буржуазии, де Голль решительно и в целом успешно противостоял любым поползновениям, направленным на ущемление позиций Франции в колониях.

Англо-голлистские союзники должны были в какой-то мере считаться с чаяниями арабских народов, их стремлением к независимости. Но на существенные уступки национально-освободительному движению ни англичане, ни «свободные французы» не пошли. На первый взгляд позиция Англии в отношении арабов Сирии и Ливана выглядела предпочтительней. Вместе с тем содействие правительства Черчилля ликвидации мандатного режима в Сирии и Ливане не имело ничего общего с действительными целями национально-освободительного движения, а определялось имперскими интересами английской буржуазии. Что касается голлистов, они с явной неохотой, вынужденно, пошли на признание независимости стран Леванта, сведя ее к минимуму. Мандат Франции на Левант продолжал сохраняться. Такая линия империалистических участников антигитлеровской коалиции лишала арабские народы ясной перспективы, сдерживала их активность в борьбе с фашистскими державами.

Наконец, следует отметить, что судьба народов Арабского Востока, как и исход борьбы воюющих империалистических группировок за обладание этим районом, окончательно не были решены, так как развитие событий здесь находилось в полной зависимости от хода борьбы на советско-германском фронте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth ser. L., 1941.
2. Public Record Office. Cabinet Papers 105/5.
3. Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. Ser. D. L., 1962. Vol. XII.
4. Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972; Ибрагимбейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977; Демьяненко А. П. Провал планов ближневосточной экспансии фашистской Германии//Народы Азии и Африки. 1984. № 6.
5. Оганесян Н. О. Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Ереван, 1980.
6. Great Britain and the East. L., 1941.

7. Грак В. Н. Борьба движения «Свободная Франция» за «армию Леванта» (июль — сентябрь 1941)//*Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945.* Свердловск, 1984.
8. Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1960. Т. 1.
9. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. М., 1959.
10. Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции. М., 1985.
11. Spears E. Fulfilment of a mission: The Spears mission to Syria and Lebanon, 1941—1944. L., 1977.
12. Davet M.-Ch. La double affaire de Syrie. P., 1967.
13. Catroux G. Dans la bataille de Méditerranée, 1940—1944. P., 1949.
14. Willson H. Eight years overseas, 1939—1947. L., 1951.
15. Mockler A. Our enemies the French. L., 1976.
16. The memoirs of Lord Chandos. L., 1962.
17. Луцкий В. Б. Национально-освободительная война в Сирии, 1925—1927 гг. М., 1964.
18. Goma A. M. The foundation of the League of Arab States. Wartime diplomacy and inter-arab politics 1941 to 1945. L.; N. Y., 1977.
19. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Wash., 1959. Vol. 3.
20. Оганесян Н. О. Образование независимой Сирийской республики, 1939—1946 гг. М., 1968.
21. Longrigg S. Syria and Lebanon under french mandate. L., 1958.
22. Чевтаев А. Г. Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г.//*Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945.* Свердловск, 1984.
23. Тума Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства/Пер. с араб. М., 1977.
24. Parkinson R. Blood, toil, tears and sweat. The war history from Dunkirk to Alamein, based on the war cabinet papers 1940 to 1942. N. Y., 1973.

С. И. РЯБОКОНЬ
Уральский университет

Дипломатическая деятельность Луи Барту в странах Малой Антанты в период переговоров о Восточном пакте (апрель — июль 1934)

Борьба Советского правительства за создание системы коллективной безопасности в Европе и подписание Восточного пакта стоит в центре внимания советских историков. Значительное место в исследованиях историков СССР занимают проблемы советско-французских отношений 1933—1935 гг. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Однако дипломатическая деятельность одного из наиболее активных сторонников франко-советского сотрудничества — Л. Барту — не нашла еще достаточного освещения. В настоящей статье рассмотрены переговоры Л. Барту в Варшаве и столицах стран Малой Антанты весной и летом 1934 г., целью которых было получение согласия правительств этих государств на франко-советское сближение и создание Восточного пакта.